

меров, приведенных в сносках, можно видеть, что в стихотворных цитатах переводчик не всегда придерживался дословной передачи оригинала, отступив, следовательно, от общих принципов своего перевода.

Цитируются и новые авторы: Джованни Боккачо («Иоанн Воккас») и его книга о славных женщинах (л. 4 об.), в целом ряде мест — поэма Барджео (Пьеро дельи Анджели, 1517—1596) под заглавием «*Synegeticon*», эпиграмма Томаса Мора (л. 24) и т. д. Упоминается столь характерная для XVI в. «Натуральная магия» Джамбаттисты Порты (1538—1615), представлявшая странное и причудливое смешение фантастических рецептов и естественно-научных сведений.³⁵

Все эти «цветы Ренессанса» были сравнительно новы для русской почвы.³⁶ Но наряду с тем в обширной цитируемой Альдрованди литературе были и произведения, более созвучные тематике древнерусской книжности. Так, в разделе «Предлоги» («*Problemata*») читатель мог найти курьезные естественно-научные вопросы (л. 61 об.—62), сходные с теми, которые встречаются в псевдоаристотелевских «*Проблемата*», столь широко распространенных на Руси в XVII в.³⁷ Точно так же изречения, в разделе «*Arorhthegmata*» («Краткословие», л. 61), напоминали более ранние сборники изречений — хотя бы «Пчелу» и «Апофегмата». Например: «Диоген философ вопрошен: кои суть всего мира пуши звери? Отвеще-ваше: львы в лесех, медведи на горах, вепры во юдолах и лихоимцы во градах».

Вопросы эмблематики и символики, затрагиваемые в книге Альдрованди, явно перекликались с гораздо более ранней литературой, основанной на «*Физиологе*». Но, в отличие от церковно-назидательной струи древнерусских bestiaries, здесь гораздо сильнее чувствовались новые светские веяния гуманистической культуры Ренессанса. Заметим кстати: если первые строки книги были посвящены классификации земных животных согласно «святым писаниям», что могло вполне успокоить ревнителя старинного благочестия, то вслед за тем тотчас же приводились другие классификации, начиная с Платона и Аристотеля и кончая собственной автора.³⁸

Наконец, как не вспомнить — наряду с литературной — о древнерусской живописной традиции в изображении льва и других животных. К сожалению, эта тема «иконографии животных» еще мало привлекала внимание искусствоведов и литературоведов. А между тем интересно было бы проследить длинный путь эволюции подобных изображений, начиная с иконописи (лев евангелиста Марка, борьба Самсона со львом) и сказочных повествований «*Физиолога*» через миниатюры лицевых рукописей и «Азбуковники» до позднейшей эмблематики и аллегорике Петровского

³⁵ «Паче ко отгнанию боязни никакого лекарства у Порты совершеннейшего несть, яко кожа львова, который в „Волховании естественном“ писа радети, да удоб страшинся кожу или глаз львов с собою носить и тем великодушество получают» (л. 69 об.). Словом «великодушество» передан термин «*animositas*».

³⁶ Напомним, что к концу XVII—началу XVIII в. относится список прозаического перевода «*Метаморфоз*» Овидия, сделанный с польского (А. И. Соболевский). Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., стр. 183).

³⁷ Ср.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., стр. 155—157. В XVII в. было сделано (с польского) два перевода этого произведения.

³⁸ Альдрованди (ср. л. 1—1 об. перевода) делил четвероногих на живородящих («живородных» — *vivipagi*) и яйцекладущих («родящих яйца» — *ovipagi*), а первых в свою очередь на три больших класса: «единокопытных» (*solipedes*), «двоекотных» (*bisulci*) и «многоперстных» (*digitati*). Последние составляют предмет интересующей нас книги (наряду с *ovipagi*) и подразделены у Альдрованди на животных «свирепых» (*fera*), «полусвирепых» (*semifera*) и «домашних» (*domestica*).